

Valentina N. Kalinovskaya
ORCID iD: 0000-0001-7517-7538
Natalia V. Skryabina

*В.Н. Калиновская,
Н.В. Скрыбина*

FROM A PLAIN DOCTOR TO A MEDICAL CHARLATANISM

ОТ ПЛОЩАДНОГО ЛЕКАРЯ К ВРАЧЕБНОМУ ШАРЛАТАНСТВУ¹

Аннотация. Статья посвящена истории употребления слов *шарлатан*, *шарлатанский*, *шарлатанство* в текстах русской публицистики, авторами которых были врачи. Основной темой, поднимаемой в этих произведениях медиков, является широко распространенная в XIX – нач. XX века реклама сомнительных лекарств. В статьях, посвященных разоблачениям такого рода рекламы, активно употреблялись указанные лексемы.

Ключевые слова: русский язык; русский язык XIX века; публицистика XIX века; история слов *шарлатан*, *шарлатанский*, *шарлатанство*.

Summary. The article is devoted to the history of the use of the words *charlatan*, *charlatanskiy*, *charlatanstvo* in the texts of the Russian periodical press, the authors of which were doctors. The main theme raised in these works of physicians is the widespread advertising of dubious drugs at the beginning of the 20th century. These lexemes were actively used in articles devoted to exposing this kind of advertising.

Keywords: Russian language, the 19th century Russian language, the 19th century publicism, history of words *charlatan*, *charlatanstvo*.

Преобладание эмпиризма в медицине XVI–XVII вв. обусловило тенденцию к использованию так называемых «тайных», или «секретных», средств. В те времена народные поверья приписывали их изготовителям сверхъестественную способность исцелять все недуги, что исключало какое бы то ни было предварительное изучение лечебных свойств предлагаемых ими снадобий. В Европе изготовители таких средств, корыстно эксплуатировавшие веру людей в их целительную силу, именовались *шарлатанами*. В XIX веке возникли целые «фабрики», занимающиеся приготовлением тайных, секретных, нередко патентованных средств; особенно широкое распространение они получили в Америке, Англии, Франции, Германии, появились они и в России.

Если принципом научной медицины являлась индивидуализация больного, то принципом производства готовых лекарств была нивелировка больных. На эту тему стали издаваться популярные брошюры. В рекламных текстах, популяризовавших такого рода препараты, стали упоминаться имена известных медицинских авторитетов. Для чудесных «лекарств» придумывались самые причудливые названия. Все это помогало фабрикантам тайных средств сбывать свою продукцию. О непреходящем интересе к теме шарлатанства, ее актуальности в связи с современными проблемами медицины и необходимостью просвещать читателя посредством увлекательного чтения свидетельствует появление таких книг-бестселлеров, как совместный труд доктора медицины и журналиста Лидии Канг и Нэйта Педерсена «История шарлатанства», переведенный с англ. кандидатом мед. наук, известным нейрохирургом, поэтом и переводчиком

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00413 «Русский язык в медиапространстве XIX века».

медицинских текстов Алексеем Кашеевым. Именно под действием таких экстралингвистических факторов в сочинениях врачей и фармацевтов с высокой частотностью начинают употребляться лексемы *шарлатан*, *шарлатанский*, *шарлатанизм* и *шарлатанство*, а также словосочетания с этими словами.

Лексема *шарлатан* в русской лексикографии впервые была зафиксирована в «Российском с немецким и французским переводом словаре, сочиненном Надворным советником Иваном Нордстетом» (1782): *Шарлатан* ‘обманщик, обольститель, площадной лекарь’ является транслитерацией фр. *un charlatan*. (Нордстет 2: 871). В «Новом Словотолкователе» Яновского (1806) в отличие от лексикографического источника XVIII века, в котором приведен лишь синонимический ряд русских эквивалентов, у заимствованного слова выделено три значения, и прямое, основное значение дано на первом месте: *Шарлатан*. 1. ‘площадной лекарь, который выхваляя свои лекарства, по площадям продает’; 2. ‘хвастун, самохвал, всяк, кто работам и трудам своим приписывает большую цену, нежели они заслуживают, или величается большими достоинствами, нежели какие имеет в самом деле’; 3. ‘обманщик, обольститель, кто красивыми обольстительными словами уловляет другого для достижения своей цели’ (Яновский 3: 1165). У Яновского зафиксировано также производное *шарлатанство* с толкованием ‘хвастовство, чванство, самохвальство, обольщение, плутовская уловка, умышленное ласкательство, лестные обнадеживания, уверения шарлатана, имеющие целью достижение своей цели’ (Там же). Характер толкования указывает на его мотивирующую связь с производными значениями ядерной лексемы.

Обращение к «Полному французско-русскому словарю», составленному И. Татищевым (1816), позволяет установить более объективную картину формирования данного гнезда слов в русском литературном языке. Словарь свидетельствует о наличии такого гнезда в языке-оригинале и дает соответствующие языку-источнику значения конкретных слов:

Charlatan s. m. — ‘Площадный лекарь, мальханщик, шарлатан; — величавый, но ничего не знающий врач; обманщик, обольститель’;

Charlataner — ‘Обманывать, обольщать, морочить, шарлатанить, выманывать деньги ласкательством’;

Charlatanisque — ‘Шарлатанский’;

Charlatanisme — ‘Характер и поступки шарлатана, шарлатанизм’ (Татищев 1: 355).

Можно констатировать, что в русском языке по крайней мере четыре лексемы (включая оформленные по законам русской грамматики *шарлатанский* и *шарлатанить*) являются прямыми заимствованиями из французского языка. Отметим, что в словаре указано актуальное для XIX века употребление слова *шарлатан* по отношению к врачу-дилетанту, которое получит развитие в публицистических текстах медиков и фармацевтов.

История усвоения заимствованных понятий и соответствующей им лексики отражена в толковых словарях русского языка рассматриваемого периода. Лексемы *шарлатан* и *шарлатанский* зафиксированы в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) наряду с производным *шарлатанство*, воз-

никшим на русской почве: *шарлатан* ‘выдающий себя за знатока перед не знающими дела; обманщик, оболгатель’; *шарлатанский* ‘принадлежащий или свойственный шарлатанам’; *шарлатанство* ‘поступки шарлатанов’ (Сл 1847 4: 449). Обратим внимание на то, что значение ‘площадной лекарь’ в толкованиях слов в этом словаре не актуализировано. Не акцентируется внимание на таком значении и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, где слово *шарлатан* и его производные представлены следующим образом: *Шарлатан* — ‘обманщик, хвостун и надувала; кто морочит людей, пускает пыль в глаза, отводит, туманит, разными приемами дурачит и обирает. Он ничего не смыслит в этом деле, только шарлатанит, и легковверные, за шарлатанство его, приплачиваются’... <шарлат>-анские приемы (Даль 2001 4: 1027–1028). Можно заметить, что при семантизации указанных лексем происходит смещение в сторону расширительного употребления слов, акцент делается на оценке самих действий, производимых действующим лицом, — на это указывает большое количество оценочных лексем и суждений в словарных дефинициях.

К концу XIX века даже в словарях иностранных слов при лексеме *шарлатан* дается именно расширительное, более общее значение. Так, в «Словаре иностранных слов» Залесского (1881) слово *шарлатан* имеет помету, указывающую на язык-источник — (фр.), и толкуется как ‘тот, кто с небольшими сведениями представляет из себя знатока или человека опытного в каком-либо деле’ (Залесский 2: 167). Именно с таким значением слово переходит в лексикографические источники середины XX века.

Аналогичную картину наблюдаем и в отношении его производных. «Словарь современного русского литературного языка» толкует лексему *шарлатан* с производными следующим образом: *шарлатан* — ‘невежда, выдающий себя за знатока, специалиста; обманщик, плут’; *шарлатанский* ‘относящийся к шарлатану, свойственный ему. || Содержащий в себе обман, плутовство’. *Подлые концессионеры глотают миллионы во имя разных шарлатанских проектов*. Гл. Усп. Письмо Н.К. Михайловскому, 14 марта 1876; *шарлатанство* — ‘поведение, образ действий, свойственный шарлатану; бессовестный обман, основанный на незнании, на невежестве окружающих’. *Сен-Жермен был шарлатан; но одним шарлатанством не мог бы он добиться до известности, которою пользовался*. Вяз. Фонвизин (ССРЛЯ 17: 1283–1284).

Начиная со второй половины XVIII века, данные заимствования начинают использоваться русскими авторами в качестве экспрессивного языкового средства при создании художественного образа, в описании реалий европейской жизни, как оценочные слова, они являются элементом публицистического стиля (в картотеке «Словаря русского языка XVIII века» примеры их употребления представлены цитатами из сочинений А. Сумарокова, А. Храповицкого, Д. Фонвизина, А. Болотова). В XIX веке они уже активно входят в лексикон русского человека, встречаясь как в переводной литературе, так и в оригинальных произведениях различных жанров. Так, в сочинениях современников А.С. Пушкина и в текстах самого поэта данная лексика реализует самый широкий спектр семантических оттенков. Весьма показательным примером употребления слова *шарлатан* в его исходном, прямом значении может служить следующая цитата из неоконченной повести А.С. Пушкина «Египетские ночи», в

которой появившийся персонаж ассоциируется с одним из «героев», окруженных романтическим ореолом их таинственного ремесла: *Он <незнакомец> был высокого росту — худощав и казался лет тридцати. Черты смуглого его лица были выразительны: бледный высокий лоб, осененный черными клоками волос, черные сверкающие глаза, орлиный нос и густая борода, окружающая впалые желто-смуглые щеки, обличали в нем иностранца. На нем был черный фрак, побелевший уже по швам; панталоны летние (хотя на дворе стояла уже глубокая осень); под истертым черным галстуком на желтоватой манишке блестел фальшивый алмаз; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро и ненастье. Встретясь с этим человеком в лесу, вы приняли бы его за разбойника; в обществе — за политического заговорщика; в передней — за **шарлатана**, торгующего эликсирами и мышьяком (1835) [Пушкин Ен: 246].*

Однако в контексте обсуждаемой темы важно выделить у слов *шарлатан/шарлатанство* значение ‘тот, кто выдает себя за знатока; псевдоученый’/ ‘ложное знание; псевдоученость’, которое постепенно становится более актуальным. Именно такой смысл улавливается в употреблении слов в тексте пушкинского дневника: *17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversation's Lexikon. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть **шарлатан**, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много **шарлатанства** и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин [Пушкин Ап: 31].* Интересно, что в комментариях к изданию пушкинского текста (где он приводит высказывание Н.И. Греча и свою реакцию на замечание хозяина собрания) дается пояснение к слову *шарлатан*: «Шарлатан здесь в старинном значении: уличный торговец лекарствами, при которых когда-то состояли паяцы («пальяс»), потешавшие прохожих и привлекавшие их к приобретению лекарств» [Там же]. С этим утверждением вряд ли можно согласиться, поскольку здесь мы имеем дело с образным контекстом, в котором образ «площадного лекаря» является представителем иного референта. Слово выступает маркером этической оценки деятельности другого человека. Употребление анализируемой лексики в текстах XIX века для характеристики отрицательных сторон научной деятельности — пренебрежения фактами, поверхностности суждений, голословности и преждевременности научных утверждений — становится сильным стилистическим средством в публицистических текстах.

Исключительность употребления слов *шарлатан, шарлатанство* в сочинениях на медицинские темы закономерно объясняется особенностями развития медицинского знания, медицины как науки в XIX веке, которое происходило на фоне успехов других наук и в связи с общим вектором социально-экономического развития в Европе и России. Коммерциализация человеческой деятельности, в особенности в гуманитарной сфере, вызывала жесткую критику у современников, актуализировала необходимость борьбы с отрицательными проявлениями научного и технического прогресса. В отношении медицинского знания авторами статей ставилась задача преодоления невежества, просвещение читателей.

Причиной актуализации первоначального прямого значения указанной лексемы в ряде текстов XIX века послужило появление во врачебной деятельности большого количества так называемых тайных, или секретных, средств и их реклама. Социокультурным и сугубо медицинским проблемам (по мере приобретения медициной научного характера), связанным с указанным явлением, были посвящены литературные тексты разных жанров, авторами которых были врачи и фармацевты. В данной статье рассматриваются языковые факты употребления слова *шарлатан* и его производных на материале таких текстов. В них следует отметить не только особое употребление конкретных лексем из словообразовательного гнезда, но и рост лексической сочетаемости анализируемой лексики. Если взять за критерий оценки текстов, в которых встречается этот ряд слов, их тематику, то можно выделить несколько групп текстов, освещающих следующие темы:

- врачебная деятельность (1);
- производство лекарственных средств (2);
- торговля лекарственными средствами и их реклама в печати (3).

Употребление лексем *шарлатан*, *шарлатанство* и *шарлатанизм* в первой группе источников характеризуется наряду с актуализацией исходного 'площадной лекарь' усилением оценочного компонента в семантике. Эта особенность характеризует как переводные тексты, так и оригинальные сочинения. Контекстуально это подчеркивается выстраиванием соответствующих оппозиций на основе модели лексического сочетания (*в руках кого*): *Но если мышьяк в руках осмотрительного врача может делать чудеса, то напротив какие ужасные последствия он может иметь в руках шарлатана* [Шнейдер 1827: 8]. Лексема *шарлатан* становится обозначением не только «площадного лекаря», но и «мнимого» специалиста: *Чтобы привлечь толпу ротозеев и других кабинетный шарлатан, подобно уличному, имеет тоже свою музыку, но его кларнет и барабан: реклама. В противоположность уличному шарлатану, который всегда универсален, кабинетный шарлатан по большей части специалист, т. е., он посвящает себя специально лечению какой-либо из частей тела, наприм. глаза, уха, зубов или какой-нибудь болезни, как-то подагры, рака, или случайной болезни, которую я не хочу назвать* [Д-р Вердо 1870: 15]. В данном тексте оппозиция прямого и номинативно-производного (расширительного) значений достигается за счет определений *уличный* и *кабинетный*.

Употребление указанной лексики в оригинальных сочинениях русских авторов, как правило, связано с критикой использования во врачебной деятельности сомнительных лекарственных средств: *В Америке весьма недавно присяжный суд в Йорке присудил к смертной казни шарлатана за лечение больной оспой мориссоновыми пилюлями, от которых она умерла* [Козлов 1856: 5]; *Такому изменению характера секретных лекарств, предвещающему возможность их совершенного изгнания из употребления, кроме успеха наук и образованности, содействовали и распоряжения правительств, препятствующие развитию этой вредной отрасли врачебного шарлатанства* [Там же: 4]. Заимствование *шарлатанизм* употреблено для резко отрицательной оценки процесса коммерциализации врачебной деятельности: *Но, говоря вообще, русские врачи никогда не унижались и не доходили до степени шарлатанизма иностранных*

врачей, своими рекламами наполняющих столбцы, как политических, так и медицинских газет и журналов [Прохоров 1885: 199].

Усиление экспрессивного компонента в семантике слов *шарлатан*, *шарлатанство* обнаруживаем в более поздних текстах начала XX века. Данная тенденция связывается с осознанием объективного внутреннего противоречия (*развитие науки и прогресс шарлатанства; благоприятная почва для процветания и свить себе гнездо*), являющегося следствием развития науки и популяризации научного знания в их отношении к социально-экономическим процессам: *Рядом с развитием науки совершается прогресс шарлатанства. — Это игра на демократизации научных истин — определил шарлатанство покойный М. Бертело. И он был прав. Демократизация научных истин состоит в том, что все, кто читает газеты или журналы, не говоря уже о популярных брошюрах, приблизительно, поверхностно знают о многом, чего добивалась десятилетиями наука. Эта-то поверхностность научных сведений, можно сказать сведений понаслышке, создает благоприятную почву для процветания шарлатанства. Прежде всего, шарлатанство свило себе гнездо в медицине, а потом в вопросе сохранения жизни и красоты. Франция и Америка дали нам блестящих представителей этого рода людей [ФЖ 1913 (7): 77].*

Критическое отношение к реальности — к существованию специфической коммерческой отрасли медицины как явления — нашло отражение в оформлении особых номинативных единиц для обозначения этой сферы деятельности и ее главного деятеля (*врачебное шарлатанство и шарлатан-лечитель*): Л.Н. Малиновский указал, что ныне действующий закон дает широкий простор к развитию деятельности *шарлатанов-лечителей* и что борьба с ними на этой почве не только трудна, но и бесплодна. Когда они привлекаются к ответственности, то налагаются ничтожные штрафы, которые и для объявителей, тратящих огромные средства на рекламы, и для газет, получающих огромные средства от этих реклам, конечно, не могут быть сдерживающим началом [ЖРОЗ 1913: 130]; Гз.! *Врачебное шарлатанство* представляет наибольший вопрос не только для нас, взявших на себя почин в борьбе с ним, но и для Правительства, и прежде всего для главного врачебного Управления, которое, как известно, с своей стороны, озабочено изысканием способов и мер для противудействия злу [Там же: 122]; В настоящее время наблюдается два течения в области *врачебного шарлатанства*: одно — увлечение растительными веществами, другое — радиоактивностью. Результатом первого явились такие врачебные панацеи, как «набор 171 травы», доктора Пакти из Лондона, «набор из индийских трав» от луэса, вытяжка растительных соков из мхов Байтсэля, — средство, ввозимое из Америки, различные растительные настойки, микстуры, изготовляемые якобы по тибетским рецептам и по большей части представляющие собою вытяжки из листьев ... берез, подорожника или клевера. Радиоактивность также широко эксплуатируется. В чем только не нашли этих излучений! Можно найти такие препараты, как «радиоактивный гипс». Это — не что иное, как светящаяся в темноте сернистая известь (кальций); радиоактивная соль — обыкновенная поваренная соль, с тою только разницею, что фунт ее в лавке стоит 2 коп., а в баночках фирмы David Rapoulé она обойдется около 4 руб. [ФЖ 1913 (7):77].

Вторую группу текстов образуют сочинения, посвященные критике производства сомнительных лекарственных препаратов, которые иначе как «подделка», «фальсификация», «вред», «дерзость» не характеризуются: *«Фармацевтический журнал», который еще до 1-го Созыва нашего Собрания (1911 г., №17, и 1912 г. №№42, 45 и 47) занимался вопросом о шарлатанстве в химико-фармацевтической промышленности (подделка фармацевтических препаратов; протекающий от шарлатанства вред для фармацевтического дела в России), посвятил нашему обращению статью под заглавием: «Лучше поздно, чем никогда» (1913 г., №6) [ЖРОЗ 1913: 124].*

Анализируемая в статье лексика в подобных текстах встречается в структуре составных наименований с оценочным компонентом *лекарственное шарлатанство* (подобно сочетанию *врачебное шарлатанство*), *шарлатанские средства*, *шарлатанские приемы*, *шарлатан-изобретатель*: *Средство это прямо показывает всю дерзость шарлатанов-изобретателей секретных средств. Они, как видно, пользуются всеми людскими слабостями, и вместо того чтобы стараться искоренить в обществе всякую тень верования в сверхъестественное и необычайное и уничтожить всякие признаки суеверия и предрассудков, стараются развить как можно более эти недостатки общества [Ашик 1868: 18]; Poudre de charbon de Belloc. Д-р Беллок рекомендовал уголь из тополевого дерева для внутреннего употребления, восхваляя его как средство, ускоряющее пищеварение, при первых страданиях желудка и поправляющее аппетит. Соединившись с аптекарем Фрером, он начал его продавать. Но в скором времени оказалось, что уголь из тополевого дерева ничем не отличается от обыкновенного угля и нисколько не оправдывает рекомендации изобретателя, а потому это лекарство должно быть причислено к шарлатанским средствам [Там же: 24]; В течение двух лет на страницах нашего журнала велась борьба с фальсификацией лекарственных веществ, с шарлатанскими приемами их изготовления и распространения, с наглым, невежественным и бесстыдным рекламированием препаратов, лишенных и тени научных оснований и спекулирующих нам некультурность, темные инстинкты, малое умение разбираться в вещах низших слоев населения [ФЖ 1913 (6): 55]; Мы считаем себя уполномоченными на это во-первых ввиду того, что лекарственное шарлатанство есть явление, касающееся не только врачей и не главным образом их. Явление это не в меньшей степени касается фармацевтов, как производителей лекарств [Там же].*

Третью группу текстов представляют критические публикации, развивающие в органах общей и медицинской печати тему рекламы незаконной, с точки зрения авторов, врачебной и фармацевтической деятельности. Такого рода критика способствовала возникновению лексической сочетаемости, типичной для освещения актуального для развития «доказательной» (говоря современным языком) медицины вопроса: *Последовало циркулярное распоряжение по делам печати, напоминающее, что ввиду возмутительных реклам никакие врачебные объявления без дозволения врачебных начальств печатаны быть не могут. В Петербурге циркуляр этот произвел желаемое действие: шарлатанские объявления исчезли [Прохоров 1885: 201–202]; Многие корреспонденты горько жалуются на Правительство и, прежде всего, на медицинское началь-*

ство за то, что не принимаются меры к ограничению **шарлатанской литературы** и к уничтожению опасных для здоровья и кармана лечащихся **шарлатанских лавочек**, а некоторые, кроме того, сетуют на органы общей и медицинской печати, что они печатают заведомо лживые и бесчестные рекламы и объявления [ЖРОЗ 1913: 122–123]; Если жаждущие знания и помощи обращаются к таким **шарлатанским изданиям**, как «Вестник здоровья», «Травы и их значение в медицине» и т. п., то это происходит от неосведомленности относительно характера названных журналов; а насколько ощутительна потребность в популярных медицинских печатных органах, видно из того, что некоторые больные, страдающие специальными болезнями, напр., ушными, бугорчаткой, за отсутствием у себя дома врачебной помощи, выписывают, как это видно из писем специальные органы, издаваемые не для публики, а для врачей, — такие, как журналы ушных, носовых и горловых болезней д-ров Брамсона и Цитовича, «Туберкулез» д-ра Гайковича и многие др. [Там же: 123]; <Шарлатанство> избирает своей жертвой не малокровие и не головную боль. Это слишком невинно для господ шарлатанов. Туберкулез, гонорея, луэс — это подходит гораздо более к их целям полнейшей эксплуатации невежественного больного. То лечение не дает быстрых результатов, то лечение оказалось бесполезным, зачастую по вине самого больного, то стыдно обращаться к врачу, ибо болезнь секретного характера. Тут-то выступает на сцену шарлатан и в своих широковещательных плакатах, одобренных двумя-тремя учеными фразами, именами мифических профессоров и врачей и благодарственными письмами десятков несуществующих потребителей, обещают спасение за 3–5 рублей. Больной идет на это, ибо он невежественен, ибо он не привык верить врачу, ибо они не в состоянии сознательно отдать предпочтение врачу и медицине. «Нет больше чахотки», «чахотка-смерть» кричит плакат и посылает больному Туссолиновые лепешки или Лециталь, сопровождаемые «ученой литературой», заимствованной из **шарлатанского же журнала** [ФЖ 1913 (6): 56]. Выявленные в текстах сочетания позволяют выстроить ряд специфических номинативных единиц по принципу градуальности: **шарлатанское объявление** — **шарлатанский журнал** — **шарлатанское издание** — **шарлатанская литература**.

Наблюдения за функционированием слов **шарлатан**, **шарлатанский**, **шарлатанство** и **шарлатанизм** в публицистических текстах XIX века (оригинальных и переводных) позволяют сделать некоторые предварительные выводы относительно эволюции семантики ядерной лексемы **шарлатан** в направлении от конкретного в сторону расширительного общего значения, что нашло отражение в семантике производных. Это развитие отчетливо проявляется при сравнении семантической структуры слов данного словообразовательного гнезда в языке-источнике (см. Татищев) и дефиниций, представленных в толковых словарях русского языка XIX–XX вв. Начиная со «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847) из представленного семантического ряда исчезает прямое значение ‘площадной лекарь’, а при толковании лексемы в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля появляется оценочная лексика. В «Словаре современного русского литературного языка» указывается исключительно производное значение, подтвержденное примерами из литературных произведений XIX века.

В то же время можно видеть, что усиление оценочного компонента в семантике слов, позволяющего применять их расширительно, не исключало актуализации прямого значения 'площадной лекарь' при выстраивании оппозиции «норма» – «не-норма». Данная лексика становится отрицательным маркером той сферы врачебной деятельности, которая возникает в XIX веке в противовес научной медицине и фармацевтике (ср. *уличный шарлатан* и *кабинетный шарлатан*) и характеризуется в медицинской публицистике изучаемого периода как «научное шарлатанство» («подделка», «фальсификация», «вред»). Именно в такой функции выступают анализируемые лексемы, употребляемые в текстах XIX века независимо или в составе атрибутивных лексических словосочетаний (*шарлатан-лечитель, шарлатан-изобретатель, врачебное шарлатанство, лекарственное шарлатанство, шарлатанство в химико-фармацевтической промышленности, шарлатанизм иностранных врачей, шарлатанское средство, шарлатанские приемы, шарлатанское объявление, шарлатанская литература, шарлатанское издание, шарлатанский журнал, шарлатанская лавочка*).

Анализируемые языковые факты являются ценным источником историко-культурной информации, касающейся социальных процессов, обусловленных развитием медицины и фармацевтики как научных отраслей.

Источники

- Ашик В.А. О патентованных, так называемых секретных средствах. СПб., 1868. 52 с.
- Даль 2001 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Астрель АСТ, 2001. Т. 4: О–Я. 1144 с.
- Д-р Вердо. Шарлатанство и шарлатаны в медицине: Психол. этюд / Пер. с фр. В.А. Ашик. СПб., 1870. 32 с.
- ЖРОЗ 1913 — С совещаний редакторов Петербургских медицинских изданий по вопросу о борьбе с врачебным шарлатанством. Протокол 3-го Совещания 7-го апреля 1913 г. // Журнал Русского Общества охранения народного здоровья. 1913. №5–6. С. 122–130.
- Залеский А. Новейший полный справочный словарь; 75000 иностранных общеупотребительных в русском языке слов. Содержащий в себе слова, заимствованные из европ. и др. яз., вошедшие в отечественную литературу и употребляемые в технике, коммерции, пром-сти, медицине и др. отраслях знания / Сост. по новейшим рус. и иностр. лексикографич. источникам филологом А. Залеским. Ч. 1–2; Ч. 2-я печ. в тип. т-ва «Общественная польза». 1880. 176 с.
- Козлов Н. О секретных врачебных средствах. СПб., 1856. 54с.
- Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь / Сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. СПб.: Изданием типографшика и книгопродавца И.К. Шнора, 1780–1782; Ч. 2: О до конца алфавита. 1782. С. 435–886.
- Прохоров П.Н. Земско-аптечное дело // Протоколы 4-го Санитарного Съезда земских врачей С.-Петербургской губернии 3–13 апреля 1885 г. СПб., 1885. С. 195–215.
- Пушкин Ап — Пушкин А.С. Автобиографическая проза (Дневники) // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 8. Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева. Записки Моро де Бразе. 1978. С. 7–47.
- Пушкин Ен — Пушкин А.С. Египетские ночи // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 6. Художественная проза. 1978. С. 244–257.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.

- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 17 (Х–Я). 1965. 2126 с.
- Татищев И.И. Полный французско-русский словарь, составленный по новейшему изданию Лексикона Французской академии и умноженный вновь введенными словами, также техническими терминами надворным советником Иваном Татищевым: ч. 1–2. М.: тип. Селивановского, 1816; Ч. 1. От А до Н. 1068 с.
- ФЖ 1913 (6) — Лучше поздно, чем никогда // Фармацевтический журнал. №6. 9 февраля 1913 г. С. 55–57.
- ФЖ 1913 (7) — Научное шарлатанство // Фармацевтический журнал №7. 16 февраля 1913 г. С. 77–78.
- Шнейдер П.И. О мерах врачебной полиции против обстоятельств вредных обществу или о вредных вещах, угрожающих здоровью людей в пище, в питье и других необходимых в общежитии предметах, о средствах узнавать умышленные и неумышленные вредные подмеси и предохранять здоровье от опасности, также о вредном влиянии на общество и искоренении вредных растений и лжеврачей или шарлатанов / Пер. с нем. яз. д-р Иван Зацепин. М., 1827. 336 с.
- Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины...: ч. 1–3. СПб.: при Императорской Академии наук, 1803–1806; Ч. 3 [От О до Ф]. 1806. 1322 с.

Литература

Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства / пер. с англ. А. Кашеева. М.: «Livebook», 2019. 400 с.

Калиновская Валентина Николаевна, канд. филол. наук; *Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ведущий науч. сотрудник; e-mail: kalinovskaiavn@yandex.ru*

Скрябина Наталья Викторовна, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург; ул. Академика Лебедева д. 6; библиограф; e-mail: nataliaskryabina@yandex.ru

Для цитирования. *Калиновская В.Н., Скрябина Н.В.* От площадного лекаря к врачебному шарлатанству // *Славянская историческая лексикология и лексикография.* 2020. Вып. 3. С. 93–102. DOI 10.30842/26583755202004

References

Kang, L., Pedersen, N. (2019). Istoriya sharlatanstva [Quackery. A Brief History of the Worst Ways to Cure Everything] / per. s angl. A. Kashcheev. Moscow: «Livebook» Publ. 400 p.

Valentina N. Kalinovskaya, PhD, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Leading Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: kalinovskaiavn@yandex.ru

Natalia V. Skryabina, S.M. Kirov Military Medical Academy, 6 Acad. Lebedev str., St. Petersburg, Russian Federation; bibliographer; E-mail address: nataliaskryabina@yandex.ru

For Citation: Kalinovskaya V.N., Scryabina N.V. (2020). From a plain doctor to a medical charlatanism. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 93–102. DOI 10.30842/26583755202004 (In Russ.)